

Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Тени притворяются теми, кто их отбросил.

Анна Ахматова.

Проза из записных книжек

Глава 1

Весна пришла в Подмоскowie только по календарю. Природа о ней еще не знала. Снега лежали, не тронутые таянием. Но в воздухе уже чувствовалось неуловимое дыхание марта.

Электричка неслась в ночи, грохот колес эхом прокатывался по заснеженным чашам. Полустанки одинокими огнями пролетали мимо.

Молодая женщина с красивым, но простоватым лицом, в шубе из чернобурки и модной шляпке, сидела у окна. Ее ноги, обтянутые высокими мягкими голенищами сапог, были заложены одна на другую. Руки в черных перчатках из дорогой кожи сжимали сумочку. Вагон плохо отапливался, и женщина замерзла.

Пассажиров было мало, в основном пожилые дамы и мужчины подозрительного вида — в черных куртках, надвинутых на лоб спортивных шапках. Женщина старалась на них не смотреть. Она уставилась в темный квадрат окна, за которым пролетали подмосковные леса и дачные поселки. В вагон из тамбура затягивало сигаретный дым. Показалась станция. Поезд начал сбавлять ход, и люди двинулись к дверям.

Женщина вышла последней. По одну сторону платформ чернела сплошная стена леса, по другую виднелись окна

маленького вокзала. Кружился мелкий снежок. Женщина скользила на высоких каблуках, переходя по лестнице к автобусной остановке. Не стоило ей так задерживаться. Такси здесь не поймашь; автобус придет бог знает когда. Теперь придется звонить мужу, просить встретить.

— Здравствуй, Рая! — окликнула ее полная, рыхлая, с красными от холода щеками бабка. — Ты откуда так поздно?

Это была соседка. Она, видимо, приехала той же электричкой, только в другом вагоне.

— У родителей засиделась, — ответила женщина в шубке, потирая уши. — Мороз кусается!

— Твой-то приедет за тобой? — в надежде добраться до дома на машине спросила соседка.

— Звонить надо. Если не спит пьяный, то приедет. Подвезем вас!

Раиса достала из сумочки мобильный телефон и набрала номер супруга. Раз, другой... Никакого ответа. Ее ноги в сапогах из тонкой кожи окоченели.

— Ты звони, звони, — огорчилась соседка. — Может, проснется Колька! Гляди, как студено. Автобус придет ли, нет ли... По расписанию-то ему уж пора. Небось поломался опять.

— А последний когда? — теряя надежду дозвониться мужу, тоскливо спросила Раиса.

— В одиннадцать. Да он не всегда приходит.

Раиса еще несколько раз звонила, но Колька не отвечал. «Напился, наверное, в стельку! — с досадой подумала молодая женщина. — Теперь его из пушки не разбудишь!»

Стоять становилось все холоднее.

— Идемте пешком, баба Маня, — предложила Раиса, забросив сумочку на плечо и пряча руки в карманы шубки. — Вдруг, кто знакомый ехать будет, подберет. А?

Идти одной по пустынной дороге не хотелось.

Соседка плотнее закуталась в теплый платок.

— Не смогу я, — вздохнула она. — Задыхаюсь, суставы болят. Ревматизм замучил.

Смертельный псевдоним

— Ну, я пойду! — решила Раиса. — Замерзла сильно, особенно в ноги. Вы, баба Маня, в валенках с калошами, а я в модельных сапожках.

Она повернулась, помахала соседке рукой и зашагала по укатанной дороге в сторону поселка. Огромные сосны и ели роняли снежную пыль с величественных ветвей. Низом стелилась легкая поземка. Идти было веселее, чем стоять, если бы не странная сердечная тоска. Навевали ее черное небо, угрюмый, однообразный шум ветра, одинокие фонари...

Раисе показалось вдруг, что идет она по этой дороге в последний раз. В последний раз видит эти черные ели, эти сосны, эти летящие в воздухе снежинки. Позади, на станции, раздался стук колес следующей электрички. Молодая женщина оглянулась. Поезд, мелькая желтыми окнами, подошел к платформе. Краем глаза Раиса успела заметить скользнувшую между деревьев тень. Кто-то еще решил не дожидаться последнего автобуса, а идти пешком.

Раиса прибавила шагу, насколько позволяли каблуки ее сапог. От охватившего ее горячей волной страха она перестала чувствовать холод. Часто оглядываясь, она старалась держаться середины дороги. Как назло, ни одной машины по пути не попало. Мрачная стена деревьев по бокам, казалось, отрезала женщину от всего мира...

Дойдя до поворота, она заколебалась. Если добираться напрямиком, по вытоптанной в снегу между деревьев тропинке, она окажется дома минут через двадцать. Если продолжать шагать по дороге, то еще о-го-го, сколько! Зато дорога кое-как освещена, а в лесополосе тьма кромешная.

Раиса подняла воротник шубки и на ходу оглянулась. Поблизости никого не было, даже бродячие собаки разбежались по теплым углам, спать. «Мне показалось, что кто-то идет следом, — подумала она, сворачивая на тропинку. — Глупые страхи. Телевизор надо меньше смотреть!»

На узкой тропинке особо не разгонишься, и молодая женщина поневоле шла медленнее, глядя под ноги. Сбоку между деревьев что-то треснуло, захрустел снег... Раиса оцепенела от ужаса, но повернуть голову не посмела. Она почти нат-

кнулась на выросшую будто из-под земли черную фигуру. Крикнуть не успела... молнией сверкнуло лезвие, и по шее полоснуло горячим, потекло по груди... темнота сгустилась, стало нечем дышать. Раиса захрипела, ее тело осело на снег, опрокинулось навзничь...

Черная фигура наклонилась над ней, схватила за ноги и потащила в сторону от тропинки. В гуще деревьев убийца начал остервенело срывать с мертвой женщины одежду...

* * *

Весна — время обновления! Души, природы... и женского гардероба.

Ева примеряла у зеркала новый шелковый наряд.

— Ну как? — обернулась она к Смирнову. — Нравится?

— Очень! — ответил он, не отрываясь от газеты.

— Да ведь ты даже не смотришь! — возмутилась Ева.

Дорогой натуральный шелк красиво облегал ее полное тело, подчеркивая все округлости и складки. Здесь присутствовали, переливаясь, разные оттенки зеленого — от изумруда и бирюзы до цвета незрелых яблок и листьев салата.

Смирнов поднял голову от газеты.

— По-моему, слишком обтягивает, — сказал он. — Ты не находишь? Можно было бы надеть что-то попросторнее.

— Ка-а-ак?! — задохнулась Ева. — Предлагаешь мне облачиться в бесформенный балахон?

— Нет, но...

Еву понесло:

— Тебе, значит, моя фигура не подходит? Я толстая, да?! Ну и плевать! У меня новый имидж, между прочим. Ты забыл? Я создаю образ дамы семнадцатого века. В старину мужчины умели ценить женскую красоту, не то что сейчас. Рубенс обливался бы горячими слезами, глядя на этих плоских, тощих моделей, от которых современные кавалеры приходят в телячий восторг!

— Я вовсе не то имел в виду, — неуклюже оправдывался Смирнов.

Смертельный псевдоним

— Дай сюда! — сердито сказала Ева, протягивая руку за газетой. — Что ты там нашел?

Вверху страницы красовался жирный заголовок: «Сенсация недели! Женский бог — на скамье подсудимых? Знаменитый пластический хирург убивает свою любовницу! Скандальные подробности роковой страсти!»

Ева опешила.

— Он что, в самом деле убил свою любовницу?

— Не знаю. Возможно.

Всеслав Смирнов занимался частным сыском, а Ева Рязанцева иногда помогала ему раскрывать запутанные дела. По профессии она была учительницей испанского языка, а по складу ума — тончайшим психологом. Ее интуиция граничила с ясновидением, умело выстраивая цепочки ассоциаций, которые приводили к разгадке нетрадиционным путем.

Всеслав и сам любил поломать голову, берясь за исключительно сложные, необычные дела, в которых мог быть задействован его интеллект. Работа ума доставляла ему ни с чем не сравнимое наслаждение. Его кумиром был Ниро Вульф, созданный воображением писателя Стаута, — сей детектив раскрывал преступления, не выходя из дома. К сожалению, пока Смирнов не мог похвастаться тем же, но всеми силами стремился достичь подобного совершенства.

— На Вульфа работал Арчи Гудвин, — изредка повторял Всеслав. — Он выполнял все черновые поручения. Ая — один в двух лицах!

— Зато у тебя есть я! — утешала сыщика Ева. — В безвыходной ситуации я всегда прихожу на помощь.

Скромность была ей незнакома. А открыто высказывать мысли Ева считала одним из своих новых главных достоинств.

— Разумеется, дорогая, — соглашался Смирнов. — Если бы не ты...

В этом была изрядная доля правды.

— Ничего себе! — воскликнула Ева, погружаясь в чтение газетной статьи. — Какой кошмар! Вот так приходи к врачу... и он тебя зарежет за твои же собственные деньги!

— Причем немалые.

Она уже забыла и о новом наряде, который обтягивал ее соблазнительные формы, и о художнике Рубенсе, изображавшем на своих полотнах чувственную роскошь пышных женских тел.

— Телефон звонит, — сказала она, направляясь в гостиную с газетой в руках. — Возьму трубку.

Приятный мужской голос попросил ее пригласить Смирнова.

— Так всегда, — пробормотала Ева. — Если звонит мужчина, ему почему-то нужен Смирнов! Если звонит женщина, то же самое. Тебя! — вздохнула она, подавая сыщику трубку. — Клиент, наверное.

— Вас Адамов беспокоит, — после отрывистого приветствия нервно произнес мужчина. — Лев Назарович. Ну, вы знаете!

— Простите, не имею чести, — возразил Всеслав.

— Вы что, газет не читаете? Телевизор не смотрите? Ах, да... мою фамилию открыто не указывают, опасаются судебных исков. А меня и так уже все узнали! Известность иногда превращается в проклятие!

— Вы тот самый...

— Угадали. Я тот самый хирург-душегуб, зверски лишивший жизни собственную возлюбленную. Что, не будете теперь со мной разговаривать?

— Отчего же? Виновным человека может назвать только суд.

— Не надо лицемерить, умоляю вас! — простонал Адамов. — На меня в этом городе разве что ленивый пальцем не показывает. Москва была и осталась огромной деревней, где сплетни разносятся с быстротой молнии.

— Чем могу быть полезен? — поинтересовался Смирнов.

— Вы ведь сыщик?

— В некотором роде.

— Ну, стало быть, вы мне и нужны! Телефон ваш я узнал от одной своей клиентки, она у меня дважды оперировалась... Впрочем, не важно. Вы ей помогли выпутаться из крайне

Смертельный псевдоним

щекотливой ситуации, и она порекомендовала обратиться именно к вам.

— По какому поводу? Я не адвокат.

— Я никого не убивал! — сорвался на фальцет Адамов. — Но полиция устанавливает истину, конечно же, не собирается. Даже если меня не арестуют, то я до конца дней не смогу отмыться от этой грязи! Вы понимаете? Мое доброе имя, карьера, репутация, семья... все, все будет разрушено! Распутайте этот жуткий клубок... я ничего не пожалею. У меня есть деньги!

— Вы хотите нанять меня?

— Да-да... Да! Нанять... простите! Я хочу нанять вас для расследования убийства моей... сотрудницы. Бедная Лялечка! Возьметесь?

— Кто такая Лялечка? — спросил сыщик.

— Лейла Садыкова... медсестра, которую убили. Так вы беретесь?

— Пока не знаю. Давайте встретимся, поговорим.

— Хорошо. Можно было бы в столовой нашей клиники.

— Нет, — отказался Всеслав. — Лучше на нейтральной территории. У вас есть машина?

— Да.

— Подъезжайте через час к бильярдной «Золотой шар». Я вас буду ждать в баре.

Адамов коротко поблагодарил и положил трубку.

— Кто это был? — спросила Ева. — Голос заядлого сердцеда.

— Адамов... тот самый пластический хирург.

Ева поняла, что в театр ей сегодня придется идти одной. Может, оно и к лучшему.

— Ты уезжаешь? А театр?! — капризно надула она губки.

Это притворное недовольство не могло обмануть Смирнова. Он с детства терпеть не мог театр и все, с ним связанное, — необходимость сидеть несколько часов кряду без движения, уставившись на сцену и делая вид, что громкие крики актеров, их ужимки и нелепые жесты производят какое-то впечатление. К тому же уснуть и, не дай бог, захра-

петь, значило выдержать потом, в антракте или по дороге домой, длинную нелिцеприятную возмущенную тираду Евы.

Всеслав любил Еву, собирался на ней жениться, хотя они уже несколько лет жили в гражданском браке, поэтому долго не решался откровенно высказать свое отношение к театру. Он запаса терпением, но... Словом, Ева обо всем догадалась и перестала его мучить.

— Ладно, — сказала она. — Придется признать, что ты не театрал. Твой культурный уровень оставляет желать лучшего, Смирнов! Однако, силой загонять тебя на спектакли не только бесполезно, но и оскорбительно для актеров.

— Почему они так орут? — пытался обосновать свою позицию Всеслав. — А этот жуткий грим на их лицах напоминает боевую раскраску ирокезов!

Ева устала разубеждать его. Она смирилась. Иногда, редко, ей все же удавалось затащить Славку на какую-нибудь громкую премьеру, но его непрерывная зевота и едва скрываемая сонливость только портили ей праздничное настроение. Оживлялся сыщик в буфете и в гардеробе, предвкушая в первом случае развлечение от еды и шампанского, а во втором — скорую возможность вырваться на свободу из постылых стен.

В последнее время Ева увлеклась новшествами в театральном искусстве. Один из режиссеров-реформаторов организовал в подвальном помещении некое подобие настоящего «шекспировского» театра, со всеми атрибутами английской труппы конца шестнадцатого века. Начиная от грубо сколоченных подмостков, убогих декораций до тяжелых, многослойных костюмов на тесемках и шнурках и вычурно-нарочитой манеры игры. Некоторые костюмы, в отличие от декораций, поражали чрезмерной роскошью. Этот театр Букчин, режиссер и директор в одном лице, назвал «Неоглобус», намекая опять-таки на Шекспира.

Трудно сказать, почему экстравагантный Букчин решил, что именно так должны выглядеть помещение, костюмы, драматургия и игра актеров, но такова была его творческая

Смертельный псевдоним

интерпретация. Театр завоевал популярность в нешироких кругах, и это положение дел вполне удовлетворяло амбиции Букчина. Иметь свой собственный, маленький скандальный мирок, где можно царить безраздельно, — вот к чему стремился режиссер еще со студенческой скамьи.

Именно в этот театр и собиралась сегодня вечером Ева. Именно для театральной премьеры под названием «Прекрасная злодейка» приобретался шелковый зеленый наряд.

После звонка хирурга Адамова стало ясно, что смотреть спектакль Еве придется одной.

Глава 2

В Москву пришли оттепели, грязь и хмурое небо. Ночью снег покрывался ледяной коркой, лужи замерзли, городские огни блестели сквозь морозную дымку. Днем на улицах стоял сырой, промозглый туман.

В баре бильярдной «Золотой шар» существовали часы затишья, когда посетителей почти не было. Один-два человека, которые заказывали себе кофе или небольшие порции спиртного, не в счет. В такие часы разрешалось курить.

Бармен, лениво позевывая, принес Всеславу сигару и пепельницу.

На стенах бара висели картины: «Игроки в карты», «Игроки в бильярд» и «Любители аперитива». Смирнов знал каждую их деталь. Клиенты иногда опаздывали, и ему приходилось ждать их, развлекаясь курением и созерцанием сих живописных шедевров. Лампы в стеклянных плафонах под старину горели тускло. За окнами в молочной мути едва угадывались деревья.

«Как в Лондоне», — почему-то подумал сыщик и посмотрел на дверь.

Через минуту в бар вошел высокий, представительный мужчина. Но вид ему можно было дать от сорока до пятидесяти лет. Лицо млажавое, фигура подтянутая, зато волосы сильно тронутые сединой, с наметившийся лысиной. Он оки-